

DOI 10.32726/2411-3417-2021-1-80-94

УДК 94(44); 323/324

ЕКАТЕРИНА НАРОЧНИЦКАЯ

Идейное наследие Шарля де Голля. I. Парадоксы восприятия, исторической памяти, политической философии

Аннотация. *Первый президент Пятой республики, некогда вызывавший полярное отношение, теперь устойчиво лидирует в пантеоне исторической памяти французов и служит референтным образцом, к которому апеллируют политики всех мастей. Парадокс в том, что новый «культ де Голля» сложился на фоне отказа политического класса от голлизма и его вставания в альтернативную неолиберальную евроатлантическую парадигму. В таком контексте «одержимость де Голлем» получила глубоко различные смыслы: для одних это дискурсивный инструмент, для других — компенсаторная ностальгия, но для многих — выражение осознанного несогласия с векторами курса последних десятилетий. Феноменальная значимость де Голля в современной Франции связана с актуальностью и востребованностью его идейного наследия. Его политическую философию отличает синтез обычно противоположаемых начал, а ее краевольные идеи прямо перекликаются с фундаментальными дилеммами, которые ныне выдвинулись в центр противоречий внутри отдельных обществ и на международном уровне, в том числе между Россией и Западом. Первостепенный интерес представляет, в частности, диалектическое соединение, которое получили у де Голля национальное, европейское и глобальное измерения.*

Ключевые слова: *Ш. де Голль, историческая память, исторический дискурс, деголлевский миф, наследие голлизма, политическая философия.*

На протяжении 2020 г. во Франции, несмотря на нарушение нормального хода жизни «ковидокризисом», особенно много вспоминали и чествовали Шарля де Голля — поводом стали сразу три юбилейные даты: 130 лет со дня рождения, 50-ая годовщина смерти и 80-летие «воззвания 18 июня»¹. Колоссальная роль этого выдающегося государственного деятеля в новейшей французской истории не имеет аналогов. Дважды

Сведения об авторе: *Нарочницкая Екатерина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, главный редактор сетевого научного журнала «Перспективы»; кандидат исторических наук; ye_naroch@inbox.ru.*

¹ 18 июня 1940 г., за четыре дня до подписания последним правительством Третьей республики так называемого Второго компьенского перемирия, а фактически капитуляции, де Голль по лондонскому радио призвал соотечественников продолжать борьбу с нацистской Германией.

он спасал свое отечество от, казалось, неотвратимой исторической катастрофы. Несмотря на постыдную капитуляцию 1940 г. и сотрудничество режима Виши с нацистским рейхом, Франция благодаря де Голлю сохранила морально-политическое лицо, вошла в число держав-победительниц Второй мировой войны и постоянных членов СБ ООН. Его возвращение к власти в 1958 г. спасло раздираемую алжирским вопросом страну если не от гражданской войны, то от потери управляемости и непредсказуемого хаоса.

Де Голль сумел вывести Францию из глубокого кризиса, в который ее погрузили элиты и сама система Четвертой республики, и с минимальными, хотя и болезненными в гуманитарном плане потерями¹, завершить деколонизацию. Он разработал действующую в основе до сих пор Конституцию, ввел в стабильное русло внутривластный процесс, обеспечил ядерный фундамент военно-стратегической независимости, заложил разветвленную систему социальной защиты; 11 лет его президентства прошли под знаком форсированного развития в самых разных областях. Произведенный им поворот во внешней политике, его крупные начинания на всех ее направлениях оказали серьезное влияние на международные процессы и принесли Франции широко признанный рост глобального авторитета, как бы это ни отрицали противники его курса.

Вместе с тем в политической биографии легендарного француза были не одни триумфы и славные страницы. Как недавно напомнил один из его известных биографов Эрик Руссель, де Голль «всю жизнь сражался: с немецкими оккупантами и впадшим в склероз генеральным штабом, в 1940 г. с чиновниками-пораженцами, до самого конца войны с союзниками по антигитлеровской коалиции, после освобождения от оккупации с «политиканами» и начиная с 1958 г. вновь с ними же»; при жизни «его больше чем критиковали — атаковали, очерняли, покушались убить» [Roussel, p. 9–10]. Лидер «Свободной Франции» не только возбудил яркую ненависть вишистов и антипатию американцев, но и столкнулся с настороженностью и прямой обструкцией в собственных рядах. После ухода из послевоенного Временного правительства и создания оппозиционного Объединения французского народа недавнего освободителя лишили военных почестей и подвергли уничижающей критике, называя его альтернативное традиционным партиям движение «фашистским». За все годы Четвертой республики он ни разу не получил возможности выступить по французскому радио.

На посту главы государства де Голль пользовался рекордно высокой общественной поддержкой, к уровню которой не приблизился ни один последующий президент Франции. Однако степень его популярности серьезно варьировалась на разных этапах пребывания у власти и в разных социально-политических группах [см. Duhamel]. Более того, отношение к нему отличалось необычайной поляризованностью. «Последний ве-

1 Прежде всего имеется в виду трагедия более 1 млн франкоалжирцев (включая вынужденный исход, резню в Оране, попрание имущественных и личных прав), а также 200 тыс. «харки», сражавшихся против Фронта национального освобождения на стороне французской армии алжирцев-мусульман, которые не получили возможности уехать во Францию и подверглись репрессиям со стороны ФНО. Ряд решений де Голля, связанных с этими событиями, называют «непростительными» даже такие его почитатели и последователи, как Анри Гэнно.

ликий француз», говоря словами еще одного его биографа Чарльза Уильямса, внушал «к себе и великую любовь, и великую ненависть» [Уильямс, с. 14]. Хорошо известны враждебность или настороженность к де Голлю сложившихся элит и его конфликтные взаимоотношения с ними [De Gaulle et les élites]. По выражению его внука Ива де Голля, генерал был «чаще ненавидим «правлящими классами», «посредниками», политическими партиями, сложившимися корпорациями, буржуа и частью армии — и массово любим французами» [Gaulle Y. de].

Отторжение встретили неординарные стратегические замыслы де Голля — найти альтернативу «режиму партий», продвигать конвергенцию капитализма и социализма, переустроить международную архитектуру. Эти его эксперименты первыми потерпели фиаско и были сочтены нереализуемыми. Впрочем, учитывая исторический масштаб таких сверхзадач и контекст большой политики с ее многоаспектной и разноуровневой борьбой интересов и ценностей, неуспех здесь еще не доказывает беспочвенность самих исканий.

Ни один другой политический руководитель Франции не был столь почитаем в своей стране и за рубежом, и ни один не становился объектом такого негативизма и противодействия. Между тем никто не придавал большего значения национальной консолидации, чем де Голль, никто не приложил столько усилий ради этой цели и никто так не преуспел в приближении к ней. Заложенные им устои Пятой республики надолго стали не только предметом, но и фактором межпартийного консенсуса. А сама его фигура, некогда порождавшая острые разногласия, сегодня называется «последним символом единства и консолидации» французов [см. напр. Flandrin].

Парадоксы, связанные с де Голлем и судьбой его наследия, на этом далеко не заканчиваются. При известной устойчивости ряда голлистских традиций внутренней и внешней политики, неприятие деголлевской стратегии развития не исчезало — скорее, оно приобрело избирательный характер и обходные формы. Эволюция голлистского движения завершилась его перерождением и растворением. Ситуация с «деголлевской легендой», или «деголлевским мифом» в современной Франции также неоднозначна — по сути память о де Голле и сегодня продолжает как объединять, так и разъединять одновременно.

«Деголлевский миф»

К последнему десятилетию XX в. признание заслуг и масштаба личности автора «воззвания 18 июня» и отца-основателя Пятой республики вытеснило открытый антидеголлевский антагонизм в маргинальные ниши крайних флангов. Президентство Ф. Миттерана закрепило относительный право-левоый консенсус по поводу институционализированной части голлистского наследия. Произошло усвоение и «присвоение» голлистских принципов частью левой среды — не только из прагматизма, но и по существу. Одним из резонансных симптомов этого сдвига была вышедшая в 1990 г. книга Режиса Дебре «До завтра, де Голль», в которой этот известный интеллектуал, бывший революционер, соратник Че Гевары, а впоследствии советник президента Миттерана поста-

вил значение де Голля для XX в. вровень со значением Наполеона для XIX в. и назвал его «первым современником» будущего, «первооткрывателем завтрашних сюрпризов» [Debray]. Видным преемником и продолжателем голлистских идей еще раньше стал и остается Жан-Пьер Шевенман, в прошлом лидер левого крыла Социалистической партии, а затем министр ряда правительств 1980–1990-х годов. Многие левые и либералы, при жизни де Голля крайне скептически смотревшие на перспективы голлизма, публично признали свою «частичную неправоту», как это сделал, к примеру, автор трехтомного жизнеописания генерала Жан Лакутюр [Lacouture].

К 1990-м годам де Голль утвердился в общественном мнении в статусе одного из главных национальных героев и титанов мировой истории. «Генерал переживает сегодня посмертный апофеоз признания французов: никогда его слава не была столь неоспоримой, никогда еще его легенда так не торжествовала», — констатировал политолог Ален Дюамель [Цит. по: Garrigues]. Разумеется, не стоит понимать эти слова в смысле стопроцентного одобрения, отсутствия палитры разных «но». Тем не менее, с подразумеваемыми оговорками, они точно указывали на связанный с именем де Голля тренд в историческом сознании и общественно-политическом дискурсе современной Франции.

Речь идет не только о так называемой коммеморации, но и о нескольких процессах, имеющих различные, в том числе сталкивающиеся, смыслы и функции. Знаковыми явлениями конца XX — первых десятилетий XXI в. стали канонизация «последнего великого француза» в пантеоне памяти и мемориальной практике; формирование нового «деголлевского мифа» в его разных аспектах и версиях; ренессанс интереса к личности, взглядам, деятельности основателя Пятой республики; интенсивная исследовательская работа и рефлексия по этим вопросам; наконец, бум символических отсылок к де Голлю на уровне дискурсивной политики.

Массив посвященной ему литературы давно приобрел поистине необъятные масштабы и продолжает ежегодно расти. В юбилейном 2020 г. он пополнился рекордным числом публикаций — десятками книг и сотнями, если не тысячами, журнальных и газетных статей. При всей полифоничности этого потока, общим мотивом является признание не только огромной роли де Голля во французской истории, но и той феноменальной притягательности, которую его образ приобрел в сознании французов в настоящее время.

«В сегодняшней Франции де Голль повсюду», — передает свое впечатление британский профессор Джулиан Джексон, автор очередной, почти 1000-страничной биографии генерала, вышедшей в 2019 г. [Jackson, Introduction]. «Де Голль больше не принадлежит истории, он стал французской ностальгией», «навязчивой идеей», «обязательным референтным образцом», «де Голль вернулся» — наперебой констатируют в последнее десятилетие политологи, философы, историки, писатели, журналисты, вспоминая давнее предсказание Франсуа Мориака: «Де Голль останется здесь и тогда, когда его не станет»¹ [см. напр.: Devillairs; Jackson; Flandrin].

1 *Mauriac F. De Gaulle. Paris. 1964. P. 236.*

«В реестре нашей национальной памяти он устойчиво лидирует, опережая Наполеона, Людовика XIV и всех остальных», — подтвердил в 2020 г. председатель междуниверситетского Комитета парламентской и политической истории профессор Жан Гарриг. Причина, по его словам, заключается в том, что «деголлевский миф» объединяет в себе образы спасителя, мудрого законодателя, собирателя, пророка и с этой точки зрения не имеет аналогов во французском прошлом [Garrigues].

Но память о «последнем великом французе» имеет и другие уникальные черты. Прежде всего, спустя полвека она остается гораздо более значимым фактором текущих общественно-политических процессов в стране, чем бывает обычно с исторической памятью о выдающемся деятеле прошлого.

Самое очевидное, поверхностное проявление — участившиеся риторические апелляции к де Голлю французского политического класса. Не раз отмечалось, что с некоторых пор «как справа, так и слева, все оспаривают друг у друга наследие генерала ... каждый берет у него то, что его устраивает». В избирательной кампании 2017 г. его имя упоминалось практически ежедневно, а 7 из 11 кандидатов на пост главы государства, включая четырех лидеров первого тура (Эмманюэля Макрона, Марин Ле Пен, Франсуа Фийона и Жан-Люка Меланшона) прямо ссылались на него как на одного из «вдохновителей» своих политических программ [Michelon].

Э. Макрон с момента избрания стремился создать впечатление преемственности с создателем Пятой республики — через модель управления, дипломатическую активность, коммуникацию, внешнюю атрибутику. Здесь и демонстративное восстановление «вертикальности власти»; и заимствование элементов деголлевского «монархического» стиля; и попытки стать привилегированным собеседником лидеров мировых держав; и ряд жестов в пользу нормализации диалога с Россией; и обыгрывание понятий «нация» и «суверенитет»; и Лотарингский крест в логотипе Елисейского дворца; и композиция официального портрета действующего президента, где на его рабочем столе изображены раскрытые «Военные мемуары» де Голля.

Помимо видимого пласта, актуализация «деголлевской легенды» имеет глубинные измерения, которые в данном случае важнее. Парадоксально, но и принципиально важно, что «культ де Голля» складывался и крепнул параллельно с дрейфом Франции к иной, альтернативной голлизму парадигме — либерально-глобалистской в экономике, технократически-постмодернистской в ценностях и евроатлантистской в геополитике. Главным каналом, через который постепенно осуществлялась явная и неявная ревизия голлистских начал французской политики, стал европейский интеграционный проект. Сегодня курс Франции почти во всех областях в решающей либо заметной степени зависит от Европейского союза, чье развитие как минимум с 1990-х годов приняло направление, кардинально расходящееся как с буквой, так и с духом деголлевской концепции Европы и его идей в целом.

В таком контексте обращение к образу де Голля неизбежно получило совершенно разные смыслы и функции. Для одних оно выступает источником и символом несогла-

сия с векторами развития, разочарования в эволюции западной демократии и цивилизации, отчуждения от правящих элит; для других, прежде всего для политического класса, — средством легитимации в условиях возрастающей эрозии общественной поддержки.

Превратившиеся в общее поветрие отсылки к де Голлю официальных лиц и лидеров системных партий выглядят в содержательном плане парадоксально. Неслучайно все такие декларации повально трактуются комментаторами как инструментальная эксплуатация деголлевской ауры в электоральных или иных тактических интересах. В большинстве случаев, опуская нюансы, эта оценка вполне обоснованна. Популярный журналист Эрик Брюне даже посвятил целую книгу теме лицемерия политического класса, который продвигает совсем иные подходы, но «цитирует де Голля, потому что это модно» и улучшает имидж [Brunet].

По сути же, принятый в качестве аксиом корпус постулатов, который независимо мыслящие французы называют доксой, или *pensée unique*, кардинально расходится с политической философией основателя голлизма. Многие из его принципов и убеждений в лучшем случае не приветствуются в публичном дискурсе, в худшем — безапелляционно отождествляются с «крайне правым популизмом». Когда в 2018 г. «Республиканцы» выпустили листовки с вполне голлистским лозунгом «За то, чтобы Франция оставалась Францией!», это тут же навлекло на партийное руководство шквал обвинений в «популистском и идентитарном дискурсе» «крайне правого» толка и трения внутри самой партии¹.

Причудливым образом это совмещается с канонизацией де Голля, чья первейшая фундаментальная цель заключалась как раз в том, чтобы «Франция оставалась Францией»². Поскольку его фигура превратилась в «монумент», пишет Э. Руссель в книге «Де Голль, французский монумент», она «практически выведена за рамки критического обсуждения» [Roussel, p. 10].

Эта парадоксальная на фоне отказа от деголлевских идей ситуация продиктована не только признанием заслуг крупнейшего деятеля, но и неписаным табу на содержательную полемику по ключевым спорным вопросам французской и европейской политики в публичном пространстве. В профессиональной литературе пределы дискуссии шире, хотя и там она ведется чаще всего полуэзоповым языком. В массовом же медийном сегменте, кроме альтернативных СМИ, тема отказа от деголлевского наследия отсутствует и даже его релятивизация и отрицание выражаются в неясных формах (которые могли бы составить предмет конкретного исследования на тему «дискурсивных практик» и технологий сознания).

1 Lepelletier P. «Pour que la France reste la France» : un tract des Républicains suscite la polémique // Le Figaro. 05.06.2018. — URL: [lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/06/05/25001-20180605ARTFIG00135-pour-que-la-france-reste-la-france-un-tract-des-republicains-suscite-la-polemique.php](https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2018/06/05/25001-20180605ARTFIG00135-pour-que-la-france-reste-la-france-un-tract-des-republicains-suscite-la-polemique.php) (date of access: 05.05.2021).

2 См. напр.: Charles de Gaulle: «Une certaine idée de la France». — URL: [ina.fr/video/I00013095/charles-de-gaulle-une-certaine-idee-de-la-france-video.html](https://www.ina.fr/video/I00013095/charles-de-gaulle-une-certaine-idee-de-la-france-video.html) (date of access: 05.05.2021).

Открытый (порой тотальный) негативизм в отношении де Голля, конечно, имеет свои каналы выражения, однако по большей части за пределами основного медийного поля. Лишь иногда радикальную антидеголлевскую критику тиражируют крупные СМИ, прежде всего леволиберальной, левопрогрессистской, проевропейской направленности¹. Но крайне редко ее можно услышать в публичном изложении представителями высшего истеблишмента.

На таком фоне особого внимания заслуживает открывающая посвященный де Голлю номер журнала *Pouvoirs* за 2020 г. статья депутата от партии *MoDem*, вице-председателя (с января 2021 г. — председателя) комитета по международным делам Национального собрания Жан-Луи Бурланжа [Bourlanges]. Бурланж представляет национальную идею и внешнюю политику создателя Пятой республики в весьма негативном, даже карикатурном свете. Де Голлю приписывается претензия на «руководство миром»; его «большая дипломатия» названа «стратегией назойливой мухи, одновременно изворотливой и грубой, наглой и платонической»; «школа величия» противопоставлена «школе мудрости» и т.п. [Bourlanges, с. 5, 12–15]. Бывшего министра иностранных дел Доминика де Вильпена, чья блистательная речь в Совете Безопасности ООН 14 февраля 2003 г. против интервенции в Ираке вошла в историю, вызвав аплодисменты зала — уникальный случай в работе СБ, — Бурланж именуется «карикатурным выражением того, что в действительности есть школа отрицания» [там же, с. 14]. Пристрастность и резкость оценок плохо вяжутся с образом профессора, хотя автор несколько лет преподавал в «Сьянс-По», и напоминают обвинения политических оппонентов в адрес де Голля 1960-х годов.

Не предвещает эта публикация новый дискурсивный контртренд к «десакрализации» главного национального героя? Так или иначе, есть все основания видеть в ней симптом возросшей обеспокоенности влиятельных французских и международных элит — Ж.-Л. Бурланж долго работал в структурах ЕС — имеющимся во Франции запросом на возвращение во внешней политике к духу голлизма, которому время от времени отдает дань официальная риторика и дипломатия президента Э. Макрона.

Для немалой доли французов, как минимум заметной части элитных групп и отдельных сегментов политического класса де Голль явно остается символом не только великого прошлого, преодоления испытаний, французской идентичности, но и ценностей и подходов, далеко не утративших своего значения. С ним, как с референтным образцом, эта часть общества соотносит ключевые решения и векторы дальнейшего развития. Без этого его «длинная тень над Францией», феноменальность которой еще в 1980-х годах отмечал классик американского франковедения Стэнли Хофман², вряд ли витала бы до сих пор в умах и речах французов. Даже те, кто не разделяет носталь-

1 В качестве примеров можно назвать выступление бывшего главного редактора *Liberation* Сержа Жюли на канале *France Inter* и публикацию «Мифы (и ложь) генерала» в *Croix* [Legrand; De Gaulle et les gauchistes...].

2 *Hoffman S. Gaullism by any other name // Foreign Policy. 1984–1985. №. 57 (Winter). P. 38–57.*

гию по голлизму, признают, как например Бертран Ле Жандр, что главный национальный герой почитаем во Франции не столько за то, чем он был, «сколько за то, что он олицетворяет» [Цит. по: Flandrin].

«Вопрос «Как поступил бы де Голль?» не является ни глупым, ни напрасным...», — настаивает широко известный оппозиционный публицист и философ Мишель Онфре [Onfray]¹. И тех, кто задается этим вопросом, немало — на этот сюжет вышел даже роман «Возвращение Генерала» Бенуа Дютёртра, написанный в жанре политической фантастики и сатиры на современное общество². Принципиальные, а отнюдь не формальные, призывы вернуться к логике «деголлевской линии» звучат и на уровне гражданского общества, и в среде политической оппозиции, и в экспертных обсуждениях многих актуальных проблем. Примеров такого плана в современной Франции с ее все еще насыщенной интеллектуальной жизнью хватило бы на не одно пространное исследование. Если от политического движения голлизма сохранились лишь разрозненные «обломки», то влияние голлистского течения мысли на общественное сознание и политическую культуру французов гораздо значительнее³.

Историк Пьер Нора, консультировавший Э. Макрона по вопросам мемориальной политики, признавая востребованность голлизма, объясняет ее идеологическим вакуумом: «За какой вариант идеологии может зацепиться нация? Она больше не верит ни в социализм, ни в либерализм, ни в христианство, ни в коммунизм. Ни во что. Макрон имеет дело с распадающимся социумом. Следовательно, голлизм остается единственно возможным референтным образцом» [Цит. по: Flandrin]. Другие видят в «деголлевском мифе» прежде всего компенсаторное «противоядие» против депрессивных настроений, охвативших Францию на фоне ее упадка, ее прогрессирующего «выхода из истории» [Debray; Le Gendre].

Причины феноменальной значимости де Голля в сегодняшней Франции имеют множество граней. Она связана с его местом в национальной истории и ностальгией по былому величию; с кризисом элит и выстроенной ими системы; с закатом «великих идей» и дефицитом политических альтернатив в целом; с неудовлетворенностью вектором развития и протестными настроениями; с углублением разного рода расколов в обществе и потребностью в консолидирующем начале... Перечисление можно продолжать,

1 Onfray M. Les extraits de son nouveau livre explosif sur de Gaulle et Mitterrand // Le Figaro. 30.10.2020. — URL: lefigaro.fr/histoire/michel-onfray-les-extraits-de-son-nouveau-livre-explosif-sur-de-gaulle-et-mitterrand-20201030 (date of access: 01.06.2021). (это статья в Фигаро)

2 Duteurtre B. Le Retour du Général. P. 2010.

3 См.: Нарочницкая Е.А. Внешнеполитическое наследие голлизма в современной Франции // Франция на пороге перемен. М. ИМЭМО РАН. 2016. С. 210–220; Она же. «Суверенизм» против «глобализма» // Франция при президенте Эммануэле Макроне. М. ИМЭМО РАН. 2018. — С. 152–160; Она же. Крымский вопрос и позиция Франции // Перспективы. Электронный журнал. 2019. №3. — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/603/3_2019_1_7_24.pdf (date of access: 05.05.2021). Она же. Политическая философия Ш. де Голля — взгляд из XXI века. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 188–198.

но в конечном счете особенно важным в этом ряду является содержание деголлевского идейного наследия, которое выглядит даже актуальнее и общезначимее, чем 50 лет назад.

Разумеется, конкретная сторона действий и планов де Голля неотрывна от контекста более чем полувековой давности; несет она и печать сугубо французской специфики. Но его краеугольные идеи прямо перекликаются с фундаментальными дилеммами, которые ныне выдвинулись в центр противоречий внутри отдельных обществ и на международном уровне, в том числе между Западом и Россией. Причем круг таких вопросов как нельзя обширен: судьба государств, наций и цивилизаций в эпоху пресловутой глобализации; формат и философия европейского проекта; параметры мироустройства и принципы международных отношений; но также — трактовка политики, демократии, правового государства; роль партий, адекватность классических идеологий и лево-правых делений; концепты народа и популизма; вопросы идентичности; подход к иммиграции; социокультурные вызовы научно-технической революции, смысл и направление прогресса и другое.

Как известно, при жизни де Голля нередко считали «принадлежащим XIX столетию». Более полувека спустя его все чаще называют «человеком позавчерашнего дня и дня послезавтрашнего», который опередил свое время, мысля процессами и вызовами, широко осознанными лишь десятилетия спустя. На его «даре предвидения» останавливались Жерар Барди, Марк Ферро, Арно Тессье, Эрик Бранка, Эрик Руссель и другие известные авторы посвященных де Голлю исследований, а историк Франсуа Керсо-ди даже насчитал 87 сбывшихся прогнозов генерала [Bardy; Ferro; Kersaudy; Roussel; Teyssier]. Это парадоксальное обстоятельство дополнительно указывает на потенциал политического мировоззрения «последнего великого француза».

Политическая философия: парадоксы или «гармоничные сочетания и синтез»?

Будучи не кабинетным теоретиком, а историческим деятелем в подлинном смысле слова, де Голль не оставил систематизированного изложения своих теоретических взглядов, что заметно осложняет их полное выявление и интерпретацию. Однако его эпистолярное творчество, дополненное многотомными изданиями речей и выступлений, аудиозаписями, массивом писем, воспоминаниями современников, рассекреченными архивными материалами, пронизано мыслями, которые складываются как минимум в эскиз политической философии с отчетливыми контурами и стержневыми принципами.

Де Голль обладал исключительной для военного или политика эрудицией, феноменальной памятью, панорамностью мышления и, вопреки утверждениям оппонентов о «раз и навсегда усвоенных» им представлениях, независимым, острым и живым умом. Хотя нигилизм ради отрицания был ему чужд, рабом даже самых авторитетных для него концепций он не становился — напротив, критически осмысливал все интеллектуальные источники, принимая лишь те элементы, которые его убеждали, и соединяя их по-своему. Будучи противником догматизма и высоко ценя интуицию, де Голль к тому

же до конца жизни соотносил свои убеждения с меняющейся реальностью и адаптировал их к задачам практической политики.

Его главные свершения, замыслы, неординарные поступки предопределялись в том числе мировоззрением, которое, в свою очередь, получало в них отражение — иногда зримое, а иногда требующее расшифровки. «Человек умолчаний», как назвал основателя голлизма Ф. Керсоди [Kersaudy], далеко не всегда полагал нужным раскрывать ход своих мыслей. Анализ практических действий немало добавляет к пониманию ряда элементов и эволюции деголлевских взглядов, тем более что декларативно-риторические (дискурсивные) элементы в принципе недостаточны для выявления логики человеческой деятельности.

Наличие у де Голля собственной политической философии было признано не сразу и остается полем разногласий. В академической историографии рассматривать в этом ракурсе, например, его международную стратегию начали не во Франции, а за рубежом, причем, как ни парадоксально, в США. Именно там в конце 1960–1970-х годах вышли «ревизионистские» по отношению к политизированной антидеголлевской публицистике университетские исследования Антона Депорта, Эдварда А. Коллоджея, Лоиса Паттисон де Менила, Филиппа Черни, в которых признавалось определенное новаторское содержание голлизма [см. Нарочницкая].

Для французов такой взгляд в принципе не был открытием — его изначально разделяли, осмысленно или интуитивно, многие голлисты и их сторонники. Так, в подобном ключе политика де Голля еще раньше была представлена в работах историка и левого голлиста Поля-Мари де Ля Горса [La Gorce De Gaulle... Idem. La France...]. В 1979 г. в ходе опроса парламентариев от неоголлистской партии более двух третей из них согласились, что де Голль не просто «по-своему применил известные политические принципы», а «создал «новую политическую философию»¹ [Новиков, с. 25]. Однако в партийно не ангажированном интеллектуальном и академическом сообществе Франции этот тезис, по ряду причин, стал предметом рефлексии лишь позже, уже на новом уровне освоения источников, с опорой на результаты бурно растущего массива детальных исследований отдельных аспектов деятельности и взглядов первого президента Пятой республики.

Стоит обратить внимание, что сам де Голль считал голлизм не доктриной, а «системой мышления, целеполагания и действия» («un système de pensée, de volonté et d'action»)² — то есть не чем иным как политической философией. Голлистское движение, в свою очередь, отличалось особенно широким разбросом позиций даже при жизни его создателя и тем более в последующем. Не случайно во Франции одинаково-

1 Небезынтересно, что этот опрос «Голлизм глазами голлистов» инициировал и провел с разрешения Фонда де Голля находившийся там в научной командировке советский франковед из Иркутска Г.Н. Новиков [Новиков, с.25].

2 *Gaulle Ch. de. Conférence de presse du général, 9 septembre 1968 // Discours et Messages. T. V. 1970. P. 332*

во широко используются два нетождественных понятия — «gaulliste»/«голлистский» и «gaullien»/«деголлевский, относящийся к де Голлю». Сам он предпочитал последнее и даже говорил, что у него «не было предшественников и не будет преемников» [цит. по: Gaulle Y.].

Сложность и спорность определения деголлевской философии связана с тем, что составляющие ее принципы и подходы, если брать их по отдельности, трудно назвать оригинальными и лишь неординарное по своему алгоритму соединение обычно противоположаемых начал придает его идейной системе новое качество. Неслучайно де Голль производил впечатление и цельности, и противоречивости одновременно. Впрочем, «противоречивым» или «амбивалентным» его особенно часто называли в порядке селективной критики, имея в виду, как Ч. Уильямс [Уильямс], неоднозначность действий, раздвоенность, элементы непоследовательности, лавирование и т.п. И хотя такие моменты также не могли не присутствовать в насыщенной политической биографии генерала, здесь мы имеем в виду совсем не это, а «противоречивость», или парадоксы, более высокого порядка.

Еще такой знаток Франции, как С. Хофман, находил «поразительными» свойственные деголлевской мысли «гармоничные сочетания и синтез». Именно в силу этого свойства, полагал он, «виртуоз политики» де Голль смог «развязать гордиев узел, сделав выбор в пользу современного и интернационального подхода при сохранении суверенитета и, в культурном плане, своей «идеи Франции»» [Hoffmann S., Hoffmann I.; Goldhammer]. В российском франковедении тезисы Хофмана были подхвачены и в ряде аспектов плодотворно развиты в ярком очерке иркутского профессора Г.Н. Новикова, по словам которого «голлизм предстает как синтез противоречивых элементов. В нем можно видеть одновременно проявление макиавеллизма (не в вульгарном, но в научно-историческом смысле) и христианского гуманизма, консерватизм и социально-прогрессистские идеи, особую форму французского национализма и интернационализма» [Новиков, с. 30].

Действительно, понятие синтеза — и/или уравновешенности разных начал — выхватывает общую системную черту мировоззрения де Голля, которая обнаруживается в его подходах ко всем сферам политики и, по-видимому, дает один из ключей к пониманию потенциала его идейного наследия.

Возможное возражение состоит в том, что все условные «измы» редко встречаются в чистом, идеально-типическом виде и конкретным мыслителям и политикам обычно присущи комбинации идей разных школ. Но из этого еще не следует, что деголлевский случай банален. Как правило, для идеологических конфигураций характерны явные доминанты, а немногие элементы иного порядка занимают в них сугубо подчиненное место; к тому же, для «промежуточных» взглядов типичны абстрактность и конъюнктурная эклектичность.

Мышление де Голля, даже если оно не вполне свободно от тех же дилемм, выбивается из этого ряда. Во-первых, у него присутствует многократный дуализм антитез, при-

чем антитез равно ярко выраженных: консерватизма — и постоянной нацеленности на обновление; редкой историчности мышления — и неприятие жесткого детерминизма, признание вариантности будущего; рациональности — и идеалов; реализма — и волевого целеполагания, способности идти против течения; стратегического видения — и прагматизма; культа сильной власти — и абсолютного уважения к волеизъявлению народа; нациецентризма — и универсализма; государственничества — и признания основополагающей ценности личной свободы; реал-политического подхода — и ценностно-гуманистического, и т.д.

Во-вторых, соотношение альтернативных начал носит у де Голля динамический характер, варьируясь в приложении к различным ситуациям. Отсюда — хорошо известные расхождения исследователей в оценке деголлевского кредо в стереотипных терминах. Его место на шкалах «авторитаризм — либеральная демократия», «консерватизм — прогрессизм», «идеализм — рационализм» и т.д. нельзя определить однозначно. Отсюда же — эффект полифоничности деголлевского наследия и «деголлевской легенды», в которой самые разные течения могут отыскать созвучные своим взглядам элементы.

Но диалектическое, подчиненное определенной логике соединение разных начал не равнозначно случайной эклектике, оно меняет конечный смысл исходных компонентов, создает нечто большее, нежели их простую сумму, в данном контексте — отдельную политико-философскую парадигму. Вопрос о том, насколько удачным и проработанным было соединение тех или иных антитез у де Голля, является открытым, но потенциал самого принципа их соединения вряд ли можно отрицать.

В-третьих, у де Голля все это представлено не столько в виде абстрактных тезисов, сколько в рамках философии политического действия, конкретизировано в стратегии и тактике, в практических решениях. Неприятие доктринального догматизма, поиск динамического сочетания ценных элементов разных идейных школ, в преломлении к меняющейся многовариантной реальности и конкретным задачам — стержневые принципы построения его политической философии.

Своего рода синтетичность заметна и в его общем подходе к историческому процессу и стратегии исторического действия. Как известно, один из исходных философско-методологических споров вращается вокруг того, какое начало является ведущим в общественном развитии — экономическое, политическое, социальное, культурно-цивилизационное...? На современном Западе доминирует выросший из материализма и давно возобладавший здесь экономический детерминизм, к которому недавно добавились постмодернистский конструктивизм и упование на новейшие технологии, сулящие невиданные возможности в управлении социумом и личностью.

Де Голль, напротив, был убежден, что в конечном итоге «руководят миром идеи», что политике надлежит главенствовать над экономикой, а в ходе прогресса предстоит «обеспечить окончательное торжество духа над материей» [Gaulle Discours et Messages,

Т. I, p. 144]. Эта позиция определялась его взглядом на человека как существо, наделенное разумом, душой и свободой, — взглядом, основанным на христианском миропонимании и упрочившимся под влиянием разных интеллектуальных источников, в частности, идей Рене Шатобриана и Анри Бергсона. С этими убеждениями была связана вера де Голля в роль личности в истории, в то, что воля способна в ключевые моменты решающим образом изменить ход событий. Одновременно, в когнитивном, аналитическом, практическом планах для него были принципиально значимы все измерения общественной реальности. Именно это следует из типичных для де Голля перечислений всевозможных детерминант: демографических, политических, экономических, военно-стратегических, культурных, социальных, антропологических и т.д. — из его пристального внимания к разным областям, от обороны до экономики и культуры, из многоаспектности его реформ, из соединения геополитического и цивилизационного ракурсов. Иерархия сфер менялась лишь в текущей повестке, в зависимости от условий момента.

Обращаясь к идейному наследию французского деятеля, имеет смысл начать с его философии международной политики — сферы, которой он лично руководил и занимался, в которую внес капитальный, резонансный и долговременный вклад и где ностальгия по его подходам в современной Франции наиболее ощутима. В свою очередь, особый интерес во внешнеполитическом мышлении де Голля представляет диалектическое соединение, которое получили в нем национальное, европейское и глобальное измерения.

Как показали уже его работы 1930-х годов, ему было свойственно не только внимательно анализировать конкретный вопрос, невзирая на доминирующие стереотипы, но и вписывать его в более широкий контекст, мыслить крупными категориями во временном и территориальном смысле. «Де Голль планетарен, всемирнен», — подчеркивает М. Ферро, объясняя, почему в 1940 г. малоизвестный бригадный генерал открыто восстал против пораженческой линии правительства — в отличие от маршала Петена, казалось бы, не менее отважного патриота, националиста, героя войны 1914–1918 гг. [Ferro, p. 56]. Действительно, в своем историческом воззвании к соотечественникам де Голль подчеркивал глобальный характер начавшегося столкновения и предсказывал вовлечение в него всех планетарных сил, выводя отсюда и возможность, и императив продолжения борьбы [Gaulle L'appel...]. Ему сразу было ясно то, о чем многие тогда еще не задумывались: «...судьба нашей цивилизации поставлена на карту в нынешней войне, и она же будет основной проблемой послевоенного мира» [Gaulle Discours et Messages, T. I. P. 144]. (Но заметим, что разный выбор, сделанный де Голлем и Петеном в 1940 г., вытекал также из других капитальных различий их национального мировоззрения).

Миромасштабность мышления де Голля, предопределившая в годы президентства его особый интерес к внешней политике, хорошо известна. Ричард Никсон вспоминал: «Я встречал многих руководителей всего мира, и большинство из них казались мне по существу провинциалами. ... во время этих встреч... они размышляли лишь о своих

собственных странах и об отношениях с Соединенными Штатами. Де Голль обладал общим видением. Разумеется, он не выпускал из виду отношения между Францией и США... Но весь мир не был ему чужим. Он знал Латинскую Америку, Азию, Африку, и, само собой разумеется, Европу. В этом отношении он был одним из гигантов в области стратегической мысли» [цит. по: Новиков, с. 46].

Конечно, планетарный подход не был монополией де Голля. В разнотипных версиях — имперских, религиозных, идеологических, иных — глобалистские импульсы проявлялись в истории человечества с древности. Последнее же столетие, можно сказать, целиком прошло под знаком кристаллизации, столкновения и смены разных мировых проектов. Однако деголлевский универсализм стоит на их фоне особняком, указывая на возможность еще одной парадигмы. Прежде всего, в отличие от либерального, марксистского и технократического космополитизма/глобализма, он был слит с национальной идеей, которую де Голль вновь поднял на щит, одновременно стараясь переосмыслить ее в ключе, отличном от традиционных модулей экспансии, господства и раздела сфер влияния. Его национальная концепция — тема следующей статьи данного цикла.

Литература:

- Нарочницкая Е.А.* Франция в блоковой системе Европы, 1960–1980-е гг. М. 1993.
- Новиков Г.Н.* Два этюда о де Голле и голлизме. Иркутск. 2001.
- Рубинский Ю.И.* Де Голль и его преемники // Рубинский Ю.И. Приметы времени. В 3-х томах. Т. 3: Франция на новых рубежах. 2018. С. 5 - 259.
- Уильямс Ч.* Последний великий француз. Жизнь генерала де Голля. М. 2003.
- Bardy G.* De Gaulle avait raison, le visionnaire. P. 2016.
- Bonjour De Gaulle, bonjour ! — Revue politique et parlementaire. Dossier. 2020. (N 1094–1095).
- Bourlanges J.-L.* Une certaine idée de la France // Pouvoirs. 2020. №174. P.5–15.
- Brunet E.* L'Obsession gaulliste. 2016.
- De Gaulle et les élites / Sous la dir. de Berstein S., Birnbaum P., Rioux J.-P. P. 2008.
- De Gaulle et les gauchistes, avec Serge July // France-Inter. 12.07.2020. — URL: franceinter.fr/emissions/de-gaulle-2020/de-gaulle-2020-12-juillet-2020 (date of access: 05.05.2021).
- De Gaulle, 40 ans après : un héritage toujours disputé // franceinfo. 01.11.2011. — URL: franceinfo.fr/politique/de-gaulle-40-ans-apres-un-heritage-toujours-dispute_1619375.html (date of access: 05.05.2021).
- Debray R.* A demain de Gaulle. 1990.
- Devillairs L.* La nostalgie De Gaulle // Études. Février. 2021. — URL: revue-etudes.com/article/la-nostalgie-de-gaulle-23210 (date of access: 05.05.2021).
- Duhamel A.* Le général de Gaulle et l'opinion // Academie Sciences Morales et Politiques. Institut de France. 01.11.2020. — URL: academiesciencesmoralesetpolitiques.fr/2020/11/01/5-novembre-2018-alain-duhamel-le-general-de-gaulle-et-lopinion/ (date of access: 05.05.2021).
- Ferro M.* 1940–1944: un historien engage. Entretiens avec Marc Ferro // Herodote.net. 27.04.2021. — URL: herodote.net/Entretiens_avec_Marc_Ferro-synthese-2870.php (date of access: 05.05.2021).

- Flandrin A.* Le général de Gaulle, grand inspirateur d'Emmanuel Macron // *Le Monde*. 18.01.2021. — URL: [lemonde.fr/idees/article/2021/01/08/le-general-de-gaulle-grand-inspirateur-d-emmanuel-macron_6065561_3232.html](https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/01/08/le-general-de-gaulle-grand-inspirateur-d-emmanuel-macron_6065561_3232.html) (date of access: 05.05.2021).
- Garrigues J.* Jean Garrigues: pourquoi les Français aiment tant Charles de Gaulle // *Le Figaro*. 09.11.2020. — URL: [lefigaro.fr/vox/histoire/jean-garrigues-pourquoi-les-francais-aiment-tant-charles-de-gaulle-20201109](https://www.lefigaro.fr/vox/histoire/jean-garrigues-pourquoi-les-francais-aiment-tant-charles-de-gaulle-20201109) (date of access: 05.05.2021).
- Gaulle Ch. de.* Discours et Messages. T. I-V. 1970.
- Gaulle Ch. de.* L'appel du 18 juin du général de Gaulle. 18.06.1940 // *Gouvernement.fr*. — URL: <https://www.gouvernement.fr/partage/8708-l-appel-du-18-juin-du-general-de-gaulle> (date of access: 05.05.2021).
- Gaulle Y. de.* Le général de Gaulle était détesté par les classes dirigeantes et adoré par le peuple // *Le Figaro*. 18.06.2020. — URL: [lefigaro.fr/vox/histoire/yves-de-gaulle-charles-de-gaulle-etait-un-createur-d-univers-20200618](https://www.lefigaro.fr/vox/histoire/yves-de-gaulle-charles-de-gaulle-etait-un-createur-d-univers-20200618) (date of access: 05.05.2021).
- Goldhammer A.* Les leçons de Stanley Hoffmann pour la France d'aujourd'hui // *Slate*. 15.09.2015. — URL: <http://www.slate.fr/story/106831/stanley-hoffmann> (date of access: 05.05.2021).
- Hazareesingh S.* Le mythe gaullien. P. 2010.
- Hoffmann S., Hoffmann I.* De Gaulle, artiste de la politique. Paris. 1973.
- Jackson J.* De Gaulle. Une certaine idée de la France. Paris. 2019.
- Kersaudy F.* De Gaulle avait un don de visionnaire / Propos recueillis par Grépinet M. // *Paris Match*. 05.01.2020. — URL: <https://www.parismatch.com/Actu/Politique/De-Gaulle-avait-un-don-de-visionnaire-1667552> (date of access: 05.05.2021).
- La Gorce P.-M. de.* De Gaulle entre deux mondes. Paris. 1964.
- La Gorce P.-M. de.* La France contre les empires. Paris. 1969.
- Lacouture J.* «De Gaulle avait du génie, Mitterrand du talent». Interview par R. Dely // *Libération*. 10.01.1996. — URL: [liberation.fr/evenement/1996/01/10/de-gaulle-avait-du-genie-mitterrand-du-talent_160479/](https://www.liberation.fr/evenement/1996/01/10/de-gaulle-avait-du-genie-mitterrand-du-talent_160479/) (date of access: 05.05.2021).
- Le Gendre B.* Charles de Gaulle, ou les pouvoirs du mythe // *Le Monde*. 17.06.2010. — URL: [lemonde.fr/livres/article/2010/06/17/charles-de-gaulle-ou-les-pouvoirs-du-mythe_1370632_3260.html](https://www.lemonde.fr/livres/article/2010/06/17/charles-de-gaulle-ou-les-pouvoirs-du-mythe_1370632_3260.html) (date of access: 05.05.2021).
- Legrand Th.* Les mythes (et mensonges) du général // *La Croix*. 20.08.2020. — URL: [la-croix.com/Debats/mythes-mensonges-general-2020-08-20-1201109954?utm_medium=affiliation&utm_campaign=crx+abo+conversion+ete+juin+2019](https://www.la-croix.com/Debats/mythes-mensonges-general-2020-08-20-1201109954?utm_medium=affiliation&utm_campaign=crx+abo+conversion+ete+juin+2019) (date of access: 05.05.2021).
- Michelon V.* VIDÉO - De Gaulle président ! Comment 7 des 11 candidats se réapproprient le général // *LCI*. 20.04.2017. — URL: [lci.fr/elections/videos-presidentielle-2017-de-gaulle-president-comment-7-des-11-candidats-se-reapproprient-le-general-fillon-melenchon-macron-dupont-aignan-cheminade-hamon-le-pen-2044676.html](https://www.lci.fr/elections/videos-presidentielle-2017-de-gaulle-president-comment-7-des-11-candidats-se-reapproprient-le-general-fillon-melenchon-macron-dupont-aignan-cheminade-hamon-le-pen-2044676.html) (date of access: 05.05.2021).
- Onfray M.* Vies parallèles. De Gaulle Mitterrand. 2020.
- Roussel E.* De Gaulle, monument français. P. 2020.
- Teyssier A.* De Gaulle ne voulait pas qu'on l'emprisonne dans cette date du 18 Juin // *Marianne*. 18.06.2020. — URL: [marianne.net/culture/arnaud-teyssier-de-gaulle-ne-voulait-pas-qu-l-emprisonne-dans-cette-date-du-18-juin](https://www.marianne.net/culture/arnaud-teyssier-de-gaulle-ne-voulait-pas-qu-l-emprisonne-dans-cette-date-du-18-juin) (date of access: 05.05.2021).